

МНЕНИЕ

Туманные позиции

ЕС не хватает четкой стратегии в отношении России. С ней боятся как сблизиться, так и окончательно оттолкнуть.

Многое, считает политолог и публицист **Эрик Бонзэ**, будет зависеть от ясной позиции двух ключевых игроков Евросоюза — Германии и Франции.

Эрик Бонзэ

Когда осенью 2014 года Федерика Могерини получила назначение на пост верховного представителя ЕС по иностранным делам, Брюссель взбудоражила одна фотография. На ней итальянка жмет руку Владимиру Путину: рукопожатие твердое, взгляд уверенный. Этот снимок был сделан в Кремле во время ее первого визита в Москву в июле 2014 года, когда Могерини еще была главой итальянского МИДа.

Человек, выдающийся такое радушие при встрече с Путиным, никак не может говорить от имени всех 28 государств ЕС, считали ее противники в Брюсселе. Излишней близостью с Москвой Могерини попрекали прежде всего восточные европейцы. И хотя итальянский политик из лагеря социал-демократов в итоге вступила в должность, совместная фотография с Путиным преследует ее по сей день и символизирует драматизм перемен в отношениях между ЕС и Россией.

Сегодня неммыслимо, чтобы Могерини решила публично продемонстрировать доброе расположение к Путину. Теперь ей приходится быть начеку. Любое заявление «высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности», как полностью называется ее должность, в отношении России — это образец дипломатической эквилибристики. Былой «стратегический партнер» стал противником, а в восприятии некоторых и вовсе врагом.

Аннексия Крыма, попытка отравления бывшего российского агента Сергея Скрипаля и инцидент в Керченском проливе повысили напряженность отношений с Россией до грани разрыва. Евросоюз стал настолько недоверчив, что сегодня подозревает Москву даже в кампании по дезинформации в связи с выборами в Европарламент и потому вооружается для ее отражения. В связи с Сирией Россия тоже считается способной на что угодно.

О том, что российская «интервенция» в Сирии способствовала оттеснению «Исламского государства» (запрещено в РФ — «Д») и прекращению наплыва беженцев в Европу, в Брюсселе практически не вспоминают. Усилия Путина, направленные на достижение соглашения с Ираном по ядерной программе, тоже не принесли ему благодарности. ЕС охотно принимает поддержку, но ее семена не падают на благодатную почву — слишком велико недоверие.

Для Могерини это предмет большого разочарования. При вступлении в должность у нее была цель — выстроить новые доверительные отношения, однако сегодня приходится радоваться, если Европа не скатывается назад к холодной войне. В Брюсселе ответственность за это возлагают главным образом на Путина, чья политика воспринимается как все более агрессивная. Но отрицательно на ситуацию сказывается и трансатлантический кризис отношений, наступивший после инаугурации президента Дональда Трампа.

Так, администрация Трампа сдвинула сорвать запланированное строительство но-

Антироссийские настроения усилились настолько, что двухлетней давности улыбки Федерики Могерини на встрече с российским министром иностранных дел могут сегодня стоить ей в Брюсселе упреков

вого российского газопровода «Северный поток-2». Германии и другим странам, участвующим в проекте, грозят санкциями. Трамп и вовсе пытается дать новое определение европейской безопасности в области поставок энергоносителей. Его маневры направлены не только против России, но и против Германии, а также внешней политики Евросоюза, который бьется над выработкой единой линии.

Выход США из Договора о РСМД тоже ставит Евросоюз перед серьезными проблемами. Большинство государств ЕС согласны с тезисом о нарушении Россией условий Договора о ядерном разоружении. Однако они опасаются, что индивидуальные действия Вашингтона могут нанести урон интересам Европы. Могерини подчеркивает: «Договор о РСМД способствовал прекращению холодной войны, и никто в Европе не хочет возврата в те мрачные времена».

Но пока не похоже, чтобы ЕС был в силах предотвратить скатывание в эпоху, которая долгое время считалась ушедшей. При этом в последние годы европейцы определенно прилагали усилия, чтобы обрести большую самостоятельность в вопросах политики безопасности и выйти из тени прежних великих держав. Особенно обращают на себя внимание две инициативы.

Прежде всего это попытка получить большую независимость от России в вопросах энергетической политики. Еще в мае 2014 года Еврокомиссия представила стратегию по диверсификации энергоснабжения ЕС. Одна из ее составляющих — диверсификация закупок энергоносителей из-за рубежа, то есть уменьшение зависимости от российского природного газа.

Примечательна и ситуация с так называемым Постоянным структурированным сотрудничеством по вопросам безопасности и обороны (PESCO). Решение о запуске данной программы было принято в декабре 2017 года, дабы обеспечить ЕС возможность солидарных и автономных действий — если придется, то и военными средствами. В последнее время даже ведутся разговоры о со-

здании «объединенной армии» — правда, соответствующие планы остаются расплывчатыми, даже Берлин и Париж не могут прийти к единому мнению.

Интересно будет наблюдать за динамикой реализации обоих проектов. Их направленность окажется преимущественно антироссийской, как того хотят политики прежде всего в Польше и странах Балтии? Или же в результате Европа «в определенной степени» эмансипируется от США, как выражается канцлер Меркель? Наконец, возможно, ЕС будет стремиться к «стратегической автономии», как предлагает Франция?

До сих пор проследить четкую стратегию не удавалось. Даже Россия не просто квалифицировать новые инициативы ЕС. Так, по словам президента Путина, он не видит проблемы в перспективе создания общеевропейской армии: «Это в целом процесс положительный с точки зрения укрепления многополярности мира... В этом смысле у нас перекликаются позиции с Францией».

Решающее слово могла бы сказать Германия, вот только позиция немцев стала туманной и амбивалентной. С одной стороны, правительство Федеративной Респуб-

ли одобряет более тесное взаимодействие с Францией. Берлин и Париж плотно сотрудничают и в контексте отношений с Россией. В то же время Берлин испытывает мощное давление со стороны Вашингтона, направленное на более активное участие в военных вопросах и позиционировании себя против России. И это уже происходит, в частности в рамках нового «острия копья» НАТО. В начале 2019 года ведущая роль перешла к Бундесверу.

Политика Евросоюза тоже все в большей мере получает «противороссийскую» направленность. Да, Могерини продолжает видеть в России «естественного партнера и стратегического игрока». Но вместе с тем в рамках оборонительного союза она продвигает строительство танковых дорог, дающих возможность более оперативного проведения военных операций на востоке континента.

Соответствующие планы направлены не против России, заверяют в Брюсселе, кампания по борьбе с дезинформацией тоже нацелена не только против Москвы. Однако вопрос, кто еще может иметься в виду, остается открытым. За всем этим не видно какой-то определенной стратегии.

БЕЗОПАСНОСТЬ

Шансы минимальны, но они есть

>> стр. 1

При этом, скорее всего, Германия, Франция и некоторые другие страны не станут размещать на своей территории американские ракеты. Вероятные районы их базирования — Польша, Румыния, прибалтийские государства.

Третий. Развертывание указанных типов ракет может осуществляться американцами только в АТР, России — только на востоке страны. В этом случае России придется учитывать реакцию Китая, поэтому масштабы развертывания могут быть минимальными с тем, чтобы не вызывать обострения отношений с стратегическим партнером.

Четвертый. Вслед за ракетами с ядерным оснащением США и Россия переходят к развертыванию ядерных крылатых ракет средней дальности на территории ЕС и запада России. Такой процесс может быть относительно длительным, поскольку для обеспечения ядерной безопасности необходимо дополнительное развитие соответствующей инфраструктуры для хранения и эксплуатации ядерных средств.

Пятый. В дополнение к крылатым ракетам США и Россия могут разрабатывать и развернуть баллистические ракеты средней дальности с ядерными боезарядками. Американцы могут реинвестировать производство ракет «Першинг-2» с улучшенными характеристиками. В России

это возможно за счет использования ступеней ракет типа «Тополь-М» и «Ярс», также в случае отсутствия нового договора по СНВ — развертывания ракетного комплекса «Рубеж» с решением задач на европейском театре военных действий. Это вернет США, Россию и ЕС к отношениям, значительно более опасным и критическим по сравнению с теми, которые имели место в 80-х годах прошлого столетия из-за технологических достижений и территориальной близости.

Можно предполагать, что реакция правящих структур и населения в странах ЕС может варьироваться от относительно спокойной в условиях первого варианта до более негативной и острой вплоть до радикальной при реализации последующих вариантов.

Вместе с тем в прогнозируемом периоде нельзя исключать реализацию наиболее спокойного, шестого варианта. Он связан с принятием предложения Дональда Трампа о замене Договора о РСМД на новый трехсторонний договор США, России и Китая по ракетам средней дальности.

Исторический опыт свидетельствует о том, что в период подобных переговоров стороны не предпринимали действий, которые идут вразрез с предполагаемыми ограничениями. Трехсторонние переговоры по такой проблеме будут продолжаться многие годы по двум основным причинам. Во-первых, Ки-

тай традиционно закрывает информацию о своем ядерном потенциале, и убедить его в открытии хотя бы части такой информации будет достаточно сложно — только в обмен на какие-то шаги со стороны прежде всего США, например по ограничению ПРО в АТР. Во-вторых, по экспертным оценкам, наибольшая часть ракет Китая — это ракеты средней дальности, отказаться от которых вряд ли возможно. Наконец, достичь договора между тремя государствами по типу Договора о РСМД представляется вряд ли возможным. Это связано с необходимостью постоянного контроля выполнения условий договора.

Трудно вообразить распространение системы контроля над ликвидацией вооружений по Договору о РСМД. Советские и американские инспекторы контролировали все процессы ликвидации при подрывах ракет, их пусках, сплюсчиванию обтекателей головных частей, постоянно присутствовали рядом с заводами — изготовителями ракет и контролировали их периметры. Очевидно, что создать подобную систему перекрестного контроля в трехстороннем формате в перспективе нельзя. Поэтому лучше предполагать возможность достижения некоторого соглашения об ограничении ракет средней дальности со значительно менее сложными методами контроля, с большей ориентацией на национальные средства контроля.

КОНФЛИКТ

Только не надо указывать

>> стр. 1

Тем временем федеральный министр экономики Петер Альтмайер искал компромисс прежде всего с США. В начале года он объявил, что федеральное правительство позаботится, чтобы в Германии были терминалы для сжиженного природного газа. Тогда страна сможет импортировать и (более дорогой) американский СПГ. В вопросах энергоснабжения Европа «не должна быть уязвимой для шантажа», позже добавил Альтмайер в присутствии заместителя министра энергетики США Дэна Брулетта. Кроме того, Альтмайер хочет сделать так, чтобы транзит российского газа в Европу через Украину не прекращался.

Казалось бы, с учетом реакции Альтмайера Гренелл может рапортовать о победе. Но не исключено, что его вмешательство приведет к обратному результату: посетит недоверие и вызовет неприятие. США все в большей мере делают ставку на рыночное доминирование в отношениях не только с соперниками, но и с друзьями, отметил Георг Масколо на страницах *Sueddeutsche Zeitung*. Не всегда понятно, где заканчивается политика и начинаются экономические интересы США. Америка хочет продавать Европе свой СПГ взамен российского газа».

Бывший посол Германии в Вашингтоне Вольфганг Ишингер даже дал Гренеллу совет: «Никогда не говорите принимающей вас стране,

что ей следует делать, если не хотите неприятностей. Немцы — благодарные слушатели, но попытки давать указания их оскорбляют». А депутаты Европарламента поднимали вопрос, что бы случилось, если бы Евросоюз ввел санкции против американских компаний, которые после убийства Джамаля Хашокджи закрыли миллиардные сделки с Саудовской Аравией.

С первого дня на посту посла США в Германии Гренелл поддерживал свою репутацию «плохого парня»

С первого дня на посту посла США в Германии Гренелл поддерживал свою репутацию «плохого парня» от дипломатии. Так, на телеканале Fox News он комментировал немецкую политику в манере, подобающей журналисту: он журил Федеральную Республику за низкие расходы на оборону и большой профицит торгового баланса. А после выхода Дональда Трампа из ядерного соглашения с Ираном он написал в Twitter: «Как сказал @realDonaldTrump, санкции США нацелены на решающие отрасли экономики Ирана. Немецким ком-

паниям, ведущим бизнес с Ираном, следует незамедлительно его заморозить».

К настоящему моменту Федеральное управление гражданской авиации отозвало у иранской компании Mahan Air, включенной в санкционный список США, разрешение на совершение рейсов в Германию. Гренелл вслед за госсекретарем Майком Помпео приветствовал этот «прекрасный шаг». В то же время, чтобы европейские компании и дальше могли вести бизнес с Ираном, Германия, Франция и Великобритания договорились о создании специального механизма — «Инструмента поддержки торгового оборота» (Instrument in Support of Trade Exchanges — INSTEX), который позволит расширяться, если частные банки откажутся проводить платежи из страха перед санкциями США. Механизм INSTEX должен будет производить взаимозачет требований европейских и иранских компаний, вытекающих из сделок с нефтью и с другими товарами. Европейцы надеются, что это позволит спасти соглашение по ядерной программе Ирана, несмотря на то что ряд крупных концернов уже ушел с иранского рынка.

Организация Politico так комментирует слова Гренелла: «Да, человек, на которого критики навешивают ярлык „маленького Трампа“, не покорил сердца и умы немецких масс, но в большинстве случаев победа в споре оставалась за ним». И уж точно найдется немного дипломатов, к которым прислушиваются так, как к нему.